

Понимаю Хемингуэя, он сидел где-то неподалеку, пил махито, говорил с народом и писал рассказы

11:15. Сегодня встал в семь, голова нездорова, да и сам я чуть живой. Вчера пил ром в люке, прямо на дороге, перед Капитолием с двумя телефонными мастерами. Они сплели мне ожерелья из телефонных проводов — для жены и дочери, и я сам сплющивал клеммы блестящей американской машинкой под бурные аплодисменты прохожих. Снял кучу портретов.

Становится жарко... Надо выходить в шесть и возвращаться к полудню на сиесту, а затем — назад, в город.

16:10. Сегодня доволен, снял много, в основном портреты. Кажется, стиль меняется, квадратный формат навязывает мне совсем другой подход, посмотрим, что выйдет, но пока все нравится. Пытаюсь записывать имена и фамилии моих героев, обещаю прислать им карточки — вру, к сожалению, ничего я им не пришлю, знаю точно. Утешаю себя искренним желанием выполнить обещание — лучший способ обзавестись верными местными друзьями, только вряд ли до этого дойдет.

28.06.2007

23:35. Не знаю, во сколько я вернулся. Может, в шесть утра, может, позже. Полисмен увел меня с набережной, где я снимал юных banditos. Они явно хотели забрать меня и мой Hasselblad себе. Я пропустил балет, а ведь это была «Жизель», на нее пригласила меня одна юная сеньорита. Я снимал ее и родителей где-то на границе района Vedado и обещал прийти. Еще одна ложь, я не пришел, я проснулся без сознания, не зная времени, не различая ночи и дня. Понимаю Хемингуэя, он сидел где-то неподалеку и пил махито, говорил с народом и писал свои удивительные рассказы. Это стоило ему жизни, но это того стоило...

30.06.2007

17:15. Алехандро появился в 10:15, когда я и думать о нем перестал. Я прождал его минут сорок и вернулся в номер, чтобы досмотреть матч Шараповой. Он позвонил, и я спустился. Мы выпили кофе в отеле напротив и пару пива, я — легкое Cristall, он — Bucanero. Зашли к его ку-